

Михаил ТОКАРЕВ

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. Публиковался в сетевом журнале «Literramura».

ДВЕ РЮМКИ ДИХЛОФОСА

Рассказ

Как-то раз меня атаковали дети. В то время мы жили с одной девушкой в районе Балашихи. И у нас завелись тараканы. Когда завелись тараканы, тогда же начались проблемы с нашей семейной жизнью. Если много тараканов, словно крошки печенья, падают на вас с девушкой, пока вы спите, всегда начинаются проблемы. Хорошо, если возможен диалог, хорошо, если одна из сторон идет навстречу другой. Но девушка, которую звали Люда, отказалась слушать мои аргументы. Было полпервого ночи, мы с ней посапывали под пуховым одеялом, лежа на матрасе. Вместо полноценной кровати у нас был матрас, мебели почти не имелось, но это неважно. У каждого свой вкус и видение того, чем наполнить комнату. Свечки по периметру нашей берлоги потухли. Дом был в аварийном состоянии, к тому же мы экономили на разных бытовых проявлениях современной жизни, типа на электричестве. Но съехать мы не могли, потому что деньги мы не печатаем. И с потолка, предположительно от соседей, стали сыпаться насекомые.

Спросонья мне привиделось, что начинается утренняя в садике, что-то попало в рот, захрустело на зубах. Гирлянда, висящая на стекле для придания праздничности, загорелась. Эти лампочки пульсировали красным, зеленым и синим. Людмила имела истеричный склад характера, поэтому ее крики не вызвали удивления или какой-либо другой реакции. Она часто кричала, особенно когда я приносил не слишком много денег в конце каждой недели. Нам всем не так много платили на станции переработки пластика, но мы не жаловались. Я говорил Людмиле на ее нечленораздельные яростные крики: послушай, сегодня так, завтра иначе, все это пена дней, которая когда-нибудь рассосется, и останется ни-че-го. Она не могла от меня уйти, не знаю, как это называется, может быть, привязанность. Тем не менее, в конце каждой недели я приносил свою получку, девушка негодовала, забирала деньги, и все было нормально.

Так вот, когда в полпервого ночи случился снегопад из насекомых, Людмила закричала: дихлофос, нам нужен дихлофос, что ты лежишь как пенек?! И мне пришлось перетечь на улицу, чтобы найти дихлофос. Там, где мы жили тогда, была одна контора, занимающаяся проблемами, идентичными нашей. Они работали круглосуточно, надо было только постучать в заднюю дверь. Ребята, работающие уничтожителями крыс, комаров, термитов и прочей живности, мне нравились. Эта контора принадлежала моему начальнику. По пятницам дезинфекторы и мои коллеги со станции собирались в рюмочной. Я присоединялся к ним в те пятницы, когда Людмила была добра ко мне, добра она была очень редко.

На улице вспомнил, что забыл надеть кальсоны, но возвращаться мне не разрешалось. Люда говорила: если вернулся, значит, ты не можешь думать наперед, значит, ты дефективный. А казаться таковым – чревато лишними нервами и снижением либидо. Кому хочется казаться дефективным? Несмотря на позднюю осень, погодка навевала летние воспоминания. Как будто стрекотанье кузнечиков – гудел трансформатор. Замерзли ноги. В том районе фонари были какими-то не такими. Они светили, но им не хватало мощности для того, чтобы залить светом достаточные для передвижения участки улицы. Еще там были такие небольшие трехэтажные дома. Мы жили в таком же. Их

аварийное состояние совсем меня не пугало, в отличие от Люды. У нее прямо какая-то паранойя возникла в связи с этими домами. Она говорила: тут живут одни маргиналы, как только я найду себе состоятельного мужчину, то первым делом перееду в центр. Найти состоятельного мужчину Люда не могла уже год, подозреваю, что девушка привязалась ко мне.

У заброшенного кинотеатра меня окликнули. Это были дети, выбравшиеся из советской машины. Человек шесть. Каждый из них выше меня и крупнее. Но голоса и смешные усики выдавали возраст. Усики я носил в старшей школе, тогда была мода на них. Точно не помню, в честь кого мы отращивали эти щеточки над верхней губой. Лица детей, насколько я разглядел впотьмах, выражали легкое сомнение по поводу того, стоит ли меня окликать или нет. Что-то во мне их насторожило. Я уже расстегнул свой полушубок, потянулся к карману пиджака. В нем лежал целлофановый пакет с мелочью, которой мне не жалко было поделиться. Все кошельки, бывшие у меня, терялись при загадочных обстоятельствах. Как правило, терялись они после посещения рюмочной. А вот пакет никогда не терялся. Мне нравилось носить деньги в пакетике, в этом было что-то от лепреконов.

Один ребенок достал отвертку. Сказал мне: не суетись, доставай медленно кошелек. Ребенок не знал, я сучусь постоянно. Это естественное мое состояние, нервный тик, ночные судороги. Неконтролируемые вскрики. Той ночью я действительно хотел поделиться своими монетами с теми нуждающимися детьми. Но эта отвертка. Не понимаю, что на меня нашло. Впрочем, я никогда этого не понимаю. Подошел к нему вплотную, взялся за металл. И накричал на них: все что хотите, все забирайте, вы достойны самого лучшего, но скажу вам по секрету, усики это не модно! Потом я отпустил отвертку, достал свой пакетик, протянул. Дети ничего не взяли, попятились к своей советской машине. Они опешили, перешептываясь: ненормальный какой-то, дядь, иди-ка домой. Они побрезговали моими деньгами, все они, неимущие дети. Я наступал: почему вы не берете мои деньги, я искренне желаю вам помочь, вы же нуждаетесь. Дети сели в машину, хлопнули дверьми, начали выезжать на проезжую часть. Разболелась голова после общения с ними. Заброшенный кинотеатр, у которого я стоял, назывался «Буревестник». Не знаю, почему его забросили, когда мы только въезжали в эту квартиру с Людой, хозяин провел экскурсию по району. И даже он не знал, почему кинотеатр закрылся.

Я обошел заколоченный черными досками «Буревестник». Прошел метров сто, тут начинался пустырь с ангарами. Как я помнил, нужно было постучать в заднюю дверь первого ангара со стороны дороги. Мне отрыл один дезинфектор, у него еще не было глаза. Вернее, глаз был стеклянным, но там история до безобразия печальная. Парня звали Толя, его родители бросили в детстве. Все-таки я не буду рассказывать эту историю, потому как слишком страшно слушать подобное, а не знаю, кто меня слушает в данный момент. На Толике был махровый халат, он зевнул, поздоровался. В помещении, поделенном на множество секций, работали обогреватели. Так что внутри было достаточно душно. Точно такие же обогреватели стояли на нашей станции переработки пластика. Наш общий с Толей начальник приобрел их где-то оптом. Грели они будь здоров. Напарники Толика уже спали в секциях.

Пока рассказывал о тараканах, которые повалились на нас с Людкой с потолка, он ставил чайник. Посмотрел своим голубым и черным глазами, спросил: ты голоден? Я ответил, что нет. Хотя про себя задумался. Я был голоден, не то слово. Не помнил, когда последний раз ел. Кажется, в обед, это были пирожки с капустой из ларька напротив нашей станции. Толик достал из тумбочки две лапши быстрого приготовления. Хороший он человек, я даже растрогался, глаза намокли. Он сказал: Миша, ты такой сентиментальный, завязывай с этим. За поздним ужином разговоры между нами были соответствующие. Толик рассказывал про пухлую женщину с двумя детьми, с которой он познакомился недавно. У них там что-то намечалось. Дети его не пугали, он сказал, что

нет чужих детей. И я в очередной раз растрогался. Он предложил пойти со мной и помочь травить тараканов. А еще спросил мимоходом, как у нас с Людой обстоят дела. И я не знал, что ему ответить. Вроде бы она искала себе нормального мужика, но в то же самое время моя кандидатура ее пока устраивала.

Мужчина надел синий комбинезон, куртку, стал копошиться в реактивах, греметь баночками. Искал дихлофос. Спросил, не глядя на меня: а сам ты, что чувствуешь к ней? Я чувствовал к ней жалость, не стоило забирать ее лучшие годы. Больше ничего такого сверхъестественного не чувствовал. Даже желание с ней переспать пропало на первом годе нашей совместной жизни, а встречались мы уже год и три месяца. К тому же уровень либидо существенно снизился по сравнению с подростковым периодом. Подозреваю, что вредные выделения на станции переработки пластика были тому причиной.

С Толиком мы пошли ко мне. Он нашел огромный литровый баллон дихлофоса красного цвета. В черном перекрестии был нарисован мультяшный таракан, который грустно улыбался. Еще Толик нашел липучки, обработанные химикатами. Это на случай, если будут выжившие, и они уползут за подмогой. Подступы – сказал Толя – мы заминировем, чтобы уберечься от очередной волны паразитов. По-хорошему нужно пройти специальным раствором, но тогда вам с Людой придется уехать дня на два – говорил Толя. Я сказал ему: исключено, нам некуда. И так Николай пробил для нас эту квартиру с большими трудностями. Николаем звали нашего общего начальника. Он нашел эту квартиру через своего знакомого в прошлом году, когда я устроился на работу и съехал от родителей. С Людой у нас была разница в возрасте. Речь идет о десяти годах в ее пользу. Понятное дело, женщина за тридцать хочет детей. Даже не потому, что она правда-правда желает забеременеть. Дело в установках, заложенных родителями, возможно, самой природой. Мы познакомились с ней на поэтическом семинаре, и вот дожили до момента, когда попали под тараканий дождь, а это, наверное, уже серьезно, почти как совместные дети.

Мы с Толиком подошли к подъезду, стали подниматься по ступенькам. Позвонили в дверь, но Люда не открыла. Мы позвонили еще раз, но Люда не открыла. Тогда я стал несильно постукивать. И дверь со скрипом распахнулась. Изнутри пахло чем-то затхлым. Я позвал, когда мы заходили в квартиру: Люда, мы пришли с Анатолием травить тараканов. Но вместо Люды нам ответил мужской голос: мы на кухне. Подобные канделябры мне совершенно не нравились. Как-то раз Людмила привела одного коллегу с работы, а потом уверяла, что ничего страшного не произошло. Вроде бы ничего страшного тогда действительно не произошло, но вот коллега оказался скучным в общении кренделем. И, кажется, хотел переспать с Людой. На кухне сидела она, рядом с ней стоял, положив свою руку ей на плечо пожилой мужик. На мужике был старый серый пиджак, точно в таком же я ходил на свой выпускной вечер. Из-под пиджака торчала белая майка, серые брюки на ногах. Выразительное лицо мужика вызывало во мне странные чувства. Эти длинные, закрученные на концах усы хотелось подпалить зажигалкой. В черных глазах, казалось, не было зрачков, и на нас с Толиком смотрели две черные дыры. Мужик хитро улыбался. В уголках его глаз образовались морщины. Толик стоял у меня за спиной, выглядывал. Люда молчала. И только слышалось тиканье часов над дверью, тик, тик, тик.

Так, а вы кто? – не выдержал я. Мужик, все так же улыбаясь, сказал: я ваш сосед сверху. Он сказал это как-то со скрипом, словно жук усач, только во много раз громче. Потому что, если бы он был настоящим жуком и что-то сказал, то мы бы его не услышали. Усачи же очень тихо стрекочут. Толик подал голос из-за моей спины: хорошо, сосед, что-то случилось? Люда, которая сидела все это время с рукой мужика на плече, по-прежнему молчала. На ее лице не было эмоций, как будто она спала с открытыми глазами. Или как будто снова напилась своих успокоительных таблеток. Я сказал ей: Люд, мы с Толиком пришли травить тараканов, дихлофос принесли. Сосед убрал руку с плеча, оживился: дихлофос это хорошо, будьте любезны накапать мне рюмочку. Он повернулся к шкафу,

по-хозяйски достал рюмку, поставил на стол. Толик от такого поведения нашего соседа немного смутился. Признаться, я тоже немного смутился, хотя виду и не подавал. Сказал Толику: накапай товарищу дихлофоса, как он просит. Толя переспросил: ты уверен? Усатый сосед подтвердил: конечно!

И Толя напшикал из баллончика целую рюмку дихлофоса. Мужик посмотрел на Людку и выпил. Я даже непроизвольно присвистнул, прикидывая в уме, через сколько минут сосед крякнет. Он повеселел, как будто выпил не дихлофос, а чистейший спирт. Радостный, погладил Люду по голове, сказал ей: ну, собирайся, дорогуша. Она зачастила: да-да, нужно собирать вещи, засиделась я. Люда, ты съезжаешь, с ним? – уточнил я. Она ответила: послушай, я встретила мужчину, с которым ощущаю себя настоящей женщиной. Пока она говорила это, мужик с усмешкой разглядывал таракана, который сидел на холодильнике. Потом он взял его, положил себе в рот, проглотил. За окном виднелась полная луна, капли осеннего дождика впечатывались в стекло.

Мы с Толиком по-настоящему охренели. Как это вышло, меня же не было всего полчаса. А Люда успела с этим соседом построить какие-то там отношения. Все мы перешли в комнату, женщина достала со шкафа чемодан, начала скидывать туда свои юбки, блузки. Вблизи сосед мне не понравился еще больше. На майке сальные желтые пятна. Затхлый запах шел именно от него. Он стоял вполоборота ко мне. Из его уха показалась головка таракана, потом и все насекомое вылезло на свет божий. Сосед ловко схватил тельце, когда оно пересекало его лоб, и отправил в рот, на этот раз прожевал и только потом проглотил. Посмотрел на меня, хитренько улыбаясь, и предложил налить ему еще одну рюмку.

Толик намек понял, сходил на кухню, нацедил дихлофоса, вернулся. Я обратился к Люде, когда она застегивала молнию на чемодане: и куда вы теперь? Она, стараясь не смотреть мне в глаза, ответила: это тебя не касается. Мужик панибратски похлопал по моей спине, прострекотал: тебя это не касается. И опрокинул в себя рюмку. Толик прошептал мне на ушко: так мы будем травить тараканов? Я ответил ему: какие теперь тараканы. Сосед взял чемодан Люды, и они отправились на выход. А мы отправились с Толей их провожать. Лампочка в подъезде перестала справляться с напряжением, мигала. Парочка влюбленных друг в друга людей поднималась на этаж выше, в свое новое жилище. Хотя были кое-какие сомнения насчет влюбленности Люды. Не то чтобы я подозревал ее в корыстных помыслах. Она же как-то жила со мной и моей небольшой зарплатой, значит, дело не в этом. Может быть, тот мужик не снимал квартиру, и она была его собственностью. А собственность при случае можно продать и переехать в центр. Может быть, его работа была лучше моей, кто знает.

Вернувшись в квартиру, мы с Толиком попили чай с «Юбилейным» печеньем. Единственное, что мы нашли из съестного в шкафчике, где стояли рюмки. Товарищ не захотел возвращаться в свою контору, и мы улеглись спать у меня. Совпадение или нет, но с уходом соседа и Люды тараканы тоже ушли. Во всяком случае, той ночью мною не было замечено ни одного насекомого. На следующий день я уволился, и к вечеру съехал с квартиры. Подумал, что семейная жизнь мне пока неясна. То есть тонкие механизмы взаимодействия с женщиной виделись сплошной математикой, по которой в школе у меня была тройка. Примерно в то время, как я переехал обратно к родителям и рыскал в поисках новой работы по разным значным местам, мне написала девочка, читающая мои стихи. Мы сходили несколько раз в кино, а потом решили жить вместе. Фамилия у девочки была Тараканова. С ней тоже связано несколько историй, которые я расскажу в следующий раз.